

«Темный» этап в истории организации знаний в библиотеках

Рассказано, как человек научился организовывать знания в библиотеках. Дано определение организации знаний. Рассмотрены методы и приемы эффективной организации знаний, проверенные временем, а также новые информационные технологии, которые, по мнению автора, разрушают систему организованного знания в библиотеках.

Ключевые слова: знания, организация, библиотеки, карточные каталоги, электронные каталоги, Международное общество по организации знаний.

Немного истории. Знание – результат длительного накопления опыта. Человек не сразу стал *Homo sapiens*: сначала нужно было научиться думать, осмысливать происходящее. Он ошибался, прошел через тысячи личных неудач. Если бы жизнь всегда была комфортной, не было бы прогресса.

Проблеме развития мыслительных способностей древнего человека (*ability to think of ancient man*) посвящено огромное количество литературы. Наблюдение, анализ, обобщение информации давали возможность обнаружить связи между причинами и следствиями. Так рождалось понимание опыта. Задолго до появления *мудрости* (в современном значении этого слова) общество стало отмечать людей, умудренных опытом. Большинство вырабатывало способности лишь на уровне приобретенного на основе опыта конкретного знания. С появлением талантливых людей, оперирующих абстрактными категориями, такие знания продолжали цениться, но уже меньше. Оказалось, что все наблюдали явления, но не все могли понять, почему они происходили. Не всем было дано превращать опыт в знание!

Удивительно, но специалисты, занимающиеся классификацией профессионально, об этом знают. Ведь классификация (как логическая операция) была первым мыслительным действием, обеспечивающим развитие человека. Можно представить себе первые классификации, от самых элементарных до сложных, многоступенчатых. Например: я разделяю всё то, что окружает меня, на теплое, холодное и всё остальное, к которому невозможно прикоснуться. Другой «философ» тут же провозглашает свою концепцию: то, что я вижу, то, что я чувствую, и еще что-то. Ведь вокруг нас только живое (растет, двигается) и неживое, а третье – это то, что невозможно отнести к тому или другому. «Философа» внимательно слушают. «Так что же это?» – вопрошает толпа. «Мои мысли, то, о чем я думаю», – отвечает он.

«Коллектив», выслушивающий древнего оратора, собрался, как мы сказали бы сегодня, на семинар (можно было перебивать докладчика). Так появилось то, что мы называем системой образования: одни участвовали в обсуждении, другие молчали. Они учились излагать свои мысли, слушали, готовясь сказать слово. Устные (вербальные) методы коммуникации более пяти тысяч лет назад обогатились наглядными.

Сюжеты первых наскальных рисунков – картины из жизни: вот идет мамонт, с одной стороны наступают мужчины – здесь стоять опасно, с другой стороны прячутся женщины и дети. Это то, что военные называют тактикой. Умудренный опытом стратег выявит (или нарисует) общие закономерности.

Еще до появления речи существовала система передачи информации. Её обеспечивали жесты и мимика. Мы не знаем, как общались друг с другом древние люди. Жесты и слова – недокументированная информация. Её можно передавать из поколения в поколение. Другое дело – изображения. Но со временем изображения стираются и исчезают. Если информация об опыте предшественников не передается, накопленные знания исчезают, уходят в историю. Приходится снова их накапливать.

Сотни, может быть, тысячи лет отделяли этот этап развития человечества от следующего, наступившего с появлением письменности. Произошел резкий скачок в развитии людей. Письменность позволила решить проблему документированного знания. Система передачи знаний стала сохраняться во времени и пространстве. Не всё и не всегда в истории случалось равномерно, поступательно. Войны мешали этому, разрушали сформировавшиеся системы передачи знаний. Поэтому существуют памятники культуры, которые мы не можем прочитать, расшифровать и через тысячи лет. Но письменность потребовала изобретения инструментов, позволяющих фиксировать информацию на пальмовых листьях, папирусе, пергаменте, бумаге, которую пришлось изобрести. Так появилось чудо, которое мы называем книгой. Книга – документ, по сути дела – материальное, овековеченное знание.

Книги, появившиеся во глубине веков, стали самой большой ценностью. Их надо было не только хранить (эту задачу несложно решить – спрятать в глубокие подвалы), но и обеспечивать общественное пользование. Так появились библиотеки. Их развитие определялось развитием документа: был пройден этап единичного, переписанного; с открытием книгопечатания наступил этап тиражирования, возникли новые задачи, связанные с формированием фондов.

Итак, знания отражались в книгах. Книги собирались в библиотеках. Библиотеки последовательно превращались в хранилища организованного знания. Даже небольшие по объему и бедные по составу монастырские библиотеки имели организованные упорядоченные фонды: они стояли на полках в определенном порядке; имелись регистрационные книги, куда заносились сведения о каждом документе с подробным описанием. В библиотеках появились каталоги, обеспечивающие представление и раскрытие содержания и состава фондов. Вместе с библиографическими пособиями родилась система организованного в библиотеках знания. Библиотека – это, по сути, организованное знание, грамотно складированное, легко извлекаемое, просто обрабатываемое. Добавим: общедоступное и бесплатное.

Организация знаний. Впервые это понятие введено крупнейшим американским теоретиком, ученым Генри Ивлином Блиссом (*H. E. Bliss*, 1870–1955) в монографии «Организация знаний и система наук» (1929). В следующей его книге «Организация знаний в библиотеках» (1933) дано определение нового понятия: «В классификации, реальных каталогах и других видах библиотечного обслуживания знания должны быть организованы в соответствии с научным и воспитательным подходом, который относительно стабилен и имеет тенденцию быть таковым еще более, поскольку теория и система становятся определеннее и на длительное время установленными в целом и все развивающимися в деталях» (*Bliss H. E. The organization of knowledge in libraries.* – New-York, 1933. – P. 36–37).

В последующие десятилетия организация знаний в библиотеках приобрела характер научной теории, определяющей идеологию развития классификационных систем и тезаурусов, политику организации фондов, к которым читатели библиотек могут обращаться непосредственно.

В 1989 г. специалисты многих стран мира объединились в рамках Международного общества по организации знаний (*International Society for Knowledge Organization, ISKO*). В первом, по сути – учредительном, списке ИСКО были два представителя нашей страны (С. К. Виленская и Э. Р. Сукиасян). Меня, в то время еще не являющегося главным редактором ББК, ввели в состав Научного консультативного совета и редакции официального органа ИСКО.

Начиная с 1990 г. раз в два года ИСКО проводит международные научные конференции. В «промежуточные» годы национальные секции, работающие в десятках стран, организуют собственные конференции, как правило, с международным участием. Российская секция ИСКО провела три национальные конференции. В разные годы нашими гостями были первый президент ИСКО доктор Ингетраут Дальберг, члены Научного консультативного совета – главный редактор Десятичной классификации Дьюи Джоан Митчелл и главный редактор Универсальной десятичной классификации Айя Макилвейн, редакторы Классификации Библиотеки Конгресса США, специалисты из других стран. Огромный международный резонанс получили юбилейные мероприятия в России, посвященные 100-летию со дня рождения Ш. Р. Ранганатана, которое отмечалось во всем мире в 1992 г.

К сожалению, наши доклады на международных конференциях, зарубежные публикации, поездки – всё это в прошлом. Одна из самых сильных национальных секций ИСКО, насчитывавшая в 1990-х гг. около 30 персональных членов, недавно прекратила работу. Общественная научная деятельность не может существовать без материальной поддержки, без понимания её сути и значения для страны. В России мы не нашли такого понимания, а это значит – не было и поддержки. Два с лишним десятилетия нам оказывали материальную помощь из-за рубежа (например, на протяжении ряда лет наши членские взносы оплачивала секция ИСКО Великобритании).

Между тем ИСКО продолжает работу и успешно развивает теорию организации знаний. В 2004 г. в Амритсаре (Индия) издан «Словарь организации знаний» (*Satija M. P. A Dictionary of Knowledge Organization*). Прочитав фрагмент статьи «Организация знаний» со с. 126 словаря: «Организация знаний (КО) может быть описана как совокупность действий для упорядочения, организации и использования знания посредством классификации и других инструментов. Она включает в себя накопление, оценку, описание, представление, передачу и использование знаний. Она также опирается на организацию терминологии. Порядок и классификации не являются самоцелью. Они лежат в основе использования знаний для решения проблем... Эффективные поисковые системы – центральная и постоянная проблема в библиотечной и информационной науке. Соответствующие знания рассматриваются в качестве основных и крайне желательных компетенций, позволяющих сохранить нашу профессию».

Библиотеки и информационные технологии. Возникшие многие века назад библиотеки никогда не

останавливались в своем развитии. Речь идет не столько о развитии их фондов – это очевидный факт, не требующий доказательств. Мы говорим о технологии библиотечной деятельности, о том, что, собственно говоря, делает библиотеку библиотекой, отличает её от книжного собрания, архива или музея.

Подробный рассказ о развитии библиотечной технологии занял бы слишком много места. Понятно, что не сразу в библиотеках появились, например, карточные каталоги в знакомой для всех нас форме. Многие любят поговорить о недостатках карточных каталогов, но никому до сих пор не удалось доказать, что система карточных каталогов (алфавитного, систематического, предметного и других), адекватно отражающая состав и содержание библиотечных фондов, обладает «физиологическими пороками», которые мешают использовать фонды библиотек, передавать знания из поколения в поколение, извлекать информацию традиционными методами достаточно полно и многоаспектно. Не хочу делать экскурс в историю науки. Скажу только: уникальные открытия человечества, связанные, например, с покорением космоса, раскрытием тайн происхождения Вселенной или деятельности человеческого мозга, как и многие другие, сделаны учеными, которые получили знания, в том числе, и в библиотеках, где они извлекали информацию с помощью карточных каталогов, а не автоматизированных поисковых систем.

Критиков традиционной библиотечной каталогизации следует называть воинствующими дилетантами. Никто из библиотекарей, имеющих профессиональное образование, не позволит себе вторгаться в сферы инженерных дисциплин (например вычислительной техники или приборостроения), но наши критики, среди которых практически нет образованных и разбирающихся в библиотечной теории и практике людей, запросто вторгаются не в свою сферу деятельности.

Разве не поразителен тот факт, что отечественные разработчики автоматизированных систем, предназначенных для библиотек, так торопились произвести свои «продукты», что совершенно забыли о диалоге? Назовите мне систему, которая здороваётся с читателем, спрашивает у него, что именно он собирается искать, затем уточняет тему, её видовые, языковые и хронологические границы, сама занимается индексированием, превращая полученные сведения в поисковый образ запроса и дополняя его поисковым предписанием? Таких систем у нас нет, но они есть за рубежом. Однако скопировать программу трудно: в ней другой человеческий язык, который невозможно так формализовать, чтобы заставить читателя «вписать слова» в появившийся на экране небольшой прямоугольник.

Я не выдвигаю никаких требований «сверх» библиотечной практики. Сегодня именно так работают с читателями – библиографы, консультанты: беседуют с улыбкой на лице на разных языках, помогают, подсказывают. И читатели работают с карточными каталогами. Все понимают, что вести поиск в них трудно, но ведь этот процесс сам по себе интересен. И никто при этом не торопится.

Пишу об этом, так как самое «позорное» обвинение, которое выдвигают против нас желающие «осчастливить» библиотеки компьютерщики, состоит в том, что поиск в карточных каталогах не только примитивен (надо перебирать карточки!), но и требует времени. Машина, которая может произвести тысячи операций в секунду, сделает это быстрее: впечатайте «слово» в нужное место на экране – и вы получите сотни, тысячи «чего-то». Только нужна ли вам такая быстрота?

О чем мы мечтали накануне прихода автоматизации в библиотеки? Сегодня на эту тему не говорят, не пишут. Может быть, потому, что некоторым стыдно? Я хорошо помню ту эпоху (1970–1980-е гг.), когда мы думали, мечтали, прогнозировали. Строили планы: у нас появится электронный каталог, который полностью совместит в себе функции алфавитного, систематического, предметного да еще и регионального (страноведческого).

Мы предполагали, что «автоматизаторы» не только прочитают об алфавитном каталоге в учебниках, но и придут в библиотеки, познакомятся с ним. Ведь алфавитный каталог позволяет провести глубокий поиск по авторам и по всем названиям (поэтому не требуются «Указатели заглавий произведений художественной литературы»), отвечает на вопросы: какие произведения написал конкретный автор, когда они изданы, какие существуют переводы на другие языки. На многие из этих вопросов ЭК не отвечает («создатель» ЭК сказал мне: «Еще чего захотели!»).

Систематический каталог обладает крупными недостатками, исправить которые можно только в ЭК. Например, в карточном каталоге ответ на запрос «Программированные учебники» приходится искать по отраслям знаний. Поэтому консультантам рекомендовали спрашивать читателей, по какой дисциплине вести поиск. Пока однажды читатель нам не сказал: «Я сам пишу программированное пособие, мне надо знать, какие они бывают».

Не помог нам ЭК. Я только что ввел такой запрос в ЭК РГБ. Ответ: три случайных названия. Наши мечты не осуществились.

Систематический каталог, обладающий иерархией, которую так любили читатели, вообще никто

автоматизировать не взялся. Вместо того, чтобы организовать более или менее грамотный предметный поиск, мы сделали два шага назад, взяв на вооружение ключевые слова. А в США сделали три шага вперед и превратили списки предметных рубрик в тезаурусы (не переименовывая их!), отражающие систему родовидовых отношений.

Пожилой читатель, работающий в РГБ много десятков лет, поделился со мной: «Раньше я понимал, что делаю, работая с каталогом. Теперь ничего не понимаю». И я сегодня ничего не понимаю, хотя всю свою жизнь посвятил каталогам. Но абсолютно уверен, что переход к информационным технологиям должен быть синонимом прогресса, а не регресса.

Так является ли электронный каталог «организованным знанием»? Определенно нет, этот инструмент поиска к организованному знанию отношения не имеет. Слишком много случайностей. И никакой гарантии качества. Да, быстрота есть, но эффективность приближается к нулю. Не все читатели, одномоментно оказавшиеся обманутыми, разобрались в ситуации. Они больше не получают той информации, которую могли найти самостоятельно в карточном каталоге. За десятки лет мы не провели ни одного исследования сравнительной эффективности поиска в карточных и электронных каталогах. Теперь и не проведем: системы карточных каталогов мы разрушили.

Два слова об Интернете. Появилось новое веяние: очень скоро библиотеки исчезнут за ненужностью – ведь вся информация есть в Интернете, найти её легко и просто. На одной из первых конференций ИСКО в кулуарах обсуждался вопрос: является ли Интернет организованным знанием? Более десятка крупнейших специалистов по информационному поиску, представляющих разные страны и континенты, сошлись во мнении: Интернет – вселенная неорганизованного знания. Прошло много лет. Интернет перестал казаться панацеей, заменяющей традиционные инструменты организованного знания. Дезорганизация знаний в Интернете достигла своего апогея: каждый может стать автором Википедии и написать о чем-либо, например о ББК или УДК, не ссылаясь ни на какие источники, то, что ему «кажется». Речь можно вести только о глубине некомпетентности, но не о знании. Не уверен, что Интернет когда-либо сможет стать системой организованного знания. Слишком много внимания уделяется его наполнению, слишком мало – рационализации поиска. Чем дальше, тем больше информация «забывается» рекламой.

Выводы. Сегодня мы оказались (во всяком случае, в библиотеках России) у разрушенной системы организации знаний. Почему библиотеки пока еще успешно функционируют? Работает налаженная, годами отработанная система информационного поиска, обеспечиваемого библиографическими службами. То, что ученые не могут найти в ЭК и Интернете, обнаруживается с помощью библиографических и информационных изданий (национальной библиографии, реферативных журналов и пр.). Но этим аппаратом необходимо уметь пользоваться.

Пока еще работает старое поколение библиографов, получившее образование в «дореформенную эпоху». В вузах же культуры преподавание библиографии сведено к нулю. И завтра библиографов у нас уже не будет. Посмотрите, чем занимается в большинстве библиотек служба «Виртуальной справки»: ответы даются по Интернету и ЭК, глубокого ретроспективного поиска не ведется. Оставляет желать лучшего уровень информационной культуры операторов (они нередко не могут разобраться в теме запроса, соответственно дается и ответ на него).

Необходимо осознать: мы стоим накануне еще одного кризиса, в котором победит система дезорганизованного знания.